

УДК 130.2: 008.2

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.3.166

Ю.Н. ХАРАРИ О БУДУЩЕМ ЦИВИЛИЗАЦИИ

И.А. Фролова

ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь

Харари Ю.Н. – израильский военный историк, футуролог и прекрасный популяризатор идей и концепций, связанных с историей культуры, философии и науки. Он является автором ряда интересных книг. «Homo Deus» – одна из них. Главная задача статьи состоит в том, чтобы предложить обзор и комментарии основных идей его футурологической концепции.

Ключевые слова: футурология, культурная антропология, философия истории, история культуры, Ю.Н. Харари.

1. Что такое прогресс и за счет чего он возможен

Существует два известных типа деятелей, которые занимаются предсказаниями будущего человечества: пророки и футурологи. Если первые, как правило, выступают зеркалом, которое использует Бог для демонстрации картин будущего в виде символических образов, требующих интерпретации, то вторые апеллируют к опыту истории, данным науки и, отталкиваясь от них, вычерчивают тенденцию развития общества с целью предугадать, в чем она со временем материализуется и какие будет иметь последствия для обитателей планеты, которых называют емким словом «человечество».

Понятие «прогресс» употребляется в философии истории и философии культуры приверженцами как циклической модели исторического развития, так и линейной. Однако они интерпретируют содержание термина по-своему. Русский мыслитель Н.Я. Данилевский в книге «Россия и Европа» говорит о том, что прогресс, который связывается именно с Европой и считается ее исключительным атрибутом, наблюдается в любой культуре, а противопоставление Запада Востоку несправедливо. Вот что он пишет: «Везде, где только гражданственность и культура могли развиваться, они имели тот же прогрессивный характер, что и в Европе... Если бы имелись точные цифры о количестве производительности китайского труда, то перед ними, может быть, побледили бы цифры английской и американской промышленности и торговли, хотя китайская торговля почти вся внутренняя» [2, с. 72]. Русский мыслитель отмечает успехи Китая в промышленности (изготовление фарфора, производство красителей для окрашивания тканей, производство лаков, шелковых тканей). Он отмечает успехи китайцев в области землепользования, разведения садов и ландшафтного дизайна, рыбодовстве, в фармации. «Порох, книгопечатание, компас, писчая бумага давно

уже известны китайцам и, вероятно, даже от них занесены в Европу» [2, с. 73]. У Данилевского понятие прогресса подразумевает соединение творчества и труда народа: «Не были ли эти успехи, добытые на крайнем востоке Азиатского материка, такими же результатами постепенно накопившегося умственного и физического, самостоятельного и своеобразного труда поколений, как и на крайнем его западе – на европейском полуострове? И что же это такое, как не прогресс?» [2, с. 74]. С точки зрения динамики истории прогресс связывается Данилевским с возрастом культурно- исторического типа, когда культура молода и активна, блистает своими достижениями в самых разных сферах деятельности, составляющих четыре его основы: политика, религия, экономика, культура. В итоге он приходит к выводу, что «прогресс, следовательно, не составляет исключительной привилегии Запада, или Европы, а застой – исключительного клейма Востока, или Азии; тот и другой суть только характеристические признаки того возраста, в котором находится народ, где бы он ни жил, где бы ни развивалась его гражданственность. К какому бы племени он ни принадлежал» [2, с. 75]. Критикуя Европу за то, что она свой стиль жизни, свой прогресс в области науки и техники выдает за общечеловеческий эталон, Данилевский подчеркивает: «Прогресс состоит не в том, чтобы всем идти в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходило в разных направлениях, ибо доселе он таким именно образом проявлялся» [2, с. 87].

О. Шпенглер слово «человечество», как известно, считал пустым звуком. В своем понимании прогресса он был тоже весьма своеобразным. С одной стороны, прогресс и развитие сил культуры он, как и Данилевский, связывал с фазой ее роста, когда растительная или женская ипостась ее души, исполненная творческой энергии космоса, воплощается в самые яркие ее достижения в области искусства великих стилей и в символических рядах культуры. Душа культуры раскрывается в творческом, чувственном смысле. Цивилизация как фаза умирания культуры ассоциируется с мощью интеллекта и забвением живого чувства, фантазии. Человек трактуется Шпенглером как особый вид хищника, одаренного способностью к творчеству и владеющего, как и все существа на планете, собственной техникой выживания, но у него есть особенность: «Человеческая техника, и только она, независима от жизни человеческого вида. Это уникальный случай во всей истории «жизни» – индивид выходит за пределы принуждения вида» [5].

Цивилизация связывается с идеей ожесточенной борьбы и конкуренции, идеей усиления власти над природой, с развитием технологий, промышленности, отсутствием религиозного чувства, что ведет культуру, как живой организм, к гибели. Шпенглер делает следующий вывод: «Но от правды ранних животных путь ведет к методам современных ученых и инженеров, и тот же путь ведет от первобытного оружия, хитрости, к конструированию машин, при помощи которых ведется нынешняя война против

природы, с помощью которых ее удастся пережить. Это называется прогрессом» [5]. Таким образом, технический прогресс оказывается фактором, сопровождающим процесс умирания культуры. Такова логика противопоставления женского – мужскому, чувственного – рациональному, расцвета культуры – ее деградации.

Лауреат Нобелевской премии мира А. Швейцер считал, что прогресс тесно связан с уровнем нравственности людей. Для него важнейшее значение имеет качество личности, которую продуцирует культура, а высокий уровень развития материальных благ, промышленности, техники он рассматривал как опасный фактор, как угрозу духовности человека, который не живет, а функционирует. Идея духовного воспитания человека, озабоченность сохранением гуманных отношений между людьми – это те самые темы, которые волновали Швейцера на фоне угасания значимости этической проблематики в XX в.

Идея прогресса в истории западной мысли связывалась с успехами наук (О. Конт), с ролью экономического фактора (Маркс), с высоким значением средств коммуникации (Ясперс). Американский футуролог Тоффлер выделяет четыре сферы общественного развития: технологическую, социальную, информационную и психосферу. В книге «Третья волна» он говорит о трех качественно своеобразных периодах исторического развития: аграрной революции, промышленном (символом ее является заводская труба, а главным действующим лицом – пролетариат) и стадии постиндустриального общества (наиболее активно развиваются компьютерные технологии, биотехнологии, а место пролетариата занимает «когнитариат» – работники интеллектуального труда). Тоффлер считает, что изменения в сфере технологий оказывают самое существенное влияние на состояние цивилизации, однако только им не исчерпывается: «Сегодня во всем мире налицо отчетливое осознание, что прогресс не может более выражаться только в технологии или материальных стандартах жизненного уровня. Социальный строй, в котором моральные и эстетические нормы, политика или окружающая среда деградируют, не является прогрессивным, каким бы богатым или технически изощренным он ни был. Короче, мы движемся по направлению к более общему пониманию прогресса – прогресс отныне не достигается автоматически и не определяется только материальными критериями» [3].

II. Этапы развития цивилизации

Юваль Ной Харари, израильский военный историк-медиевист, известный футуролог, также выделяет три этапа развития цивилизации. На первом этапе мы видим **общество охотников и собирателей**, где царят **анимистические верования**, поскольку все для человека той поры выступает одушевленным, а сам он воспринимает себя вписанным в природу и ведет диалог с растениями и животными.

Второй этап он называет **«периодом аграрной сделки»**, в результате которой появляются **теистические религии**. Человек мыслит себя уже

венчающим иерархию живых существ, повелевающей силой, понимая свою исключительность, потому что только он обладает душой и речью. Мир мыслится не как «парламент живых существ», а как «теократия», где правит Бог, а человек пребывает в диалоге с ним. Харари пишет: «Боги (Бог) оберегали и умножали плоды трудов людей, взамен же люди должны были делиться ими с Богами. Эта сделка приносила выгоду обеим сторонам, за счет остальной экосистемы» [4, с. 111]. Однако жажда власти и потребительское отношение к природе обернулось бездушным отношением к животным как к низшим тварям, а далее подобное отношение распространилось и на людей, когда было изобретено рабство. Произошло «низведение мыслящих существ... до уровня простой собственности» [4, с. 116]. Харари дает такую довольно циничную картинку бытия во втором периоде развития цивилизации: «Таким образом, крестьянское хозяйство стало прототипом нового общества, где есть и спесивые господа, и низшие расы, которые нужно эксплуатировать, и дикие звери, которых можно уничтожать, и надо всем этим великий Господь, осеняющий все это устройство своим благословением» [4, с. 116].

Харари связывает прогресс с двумя факторами – экономическим и религиозным, ибо всякому периоду экономического развития соответствует своя религия или их множество. **Период научной революции**, например, связан с *гуманистической религией*, потому что все, что происходит вокруг, оценивается с точки зрения пользы или вреда для человека. Виды гуманистических религий таковы: либерализм, коммунизм, нацизм.

Аграрный период лишил голоса фауну и флору, а последующий лишил голоса самого Бога. Человек остался один и тихо сам с собою ведет беседу: он в постоянном монологе, никого не слышит, кроме себя, ни с кем не хочет договариваться, делает что захочет и при этом наращивает мощь без обязательств и ответственности. Харари говорит, что новый мир – это мир одного актера. Но так ли это на самом деле? Конечно нет. Перед нами очередная схема, в рамках которой проводится важная мысль о том, что важнейшим содержанием каждого периода выступает мифотворчество человека, а темы мифотворчества стары как мир и вращаются вокруг проблемы власти во всех ее проявлениях. Любопытно то, что человек представляется самому Харари весьма упрощенно: он убежден, что никакой души не существует, ибо представления о душе – это миф. Он убежден, что в нас заложен некий «бессознательный алгоритм», но тогда возникает вопрос: а кто его в нас встроил? Ведь алгоритм – это не что иное, как четко рассчитанная цепь действий, где есть целеполагание, логика, то есть все-таки в основе лежит рациональное. Однако Харари утверждает: «Любой поступок человека – включая заявление о якобы сознательном состоянии – теоретически может быть делом бессознательных алгоритмов» [4, с. 145]. Фрейд весьма удивился бы такому повороту в терминологии. Раньше употребляли слово «инстинкт», а теперь «бессознательный алгоритм». Слово новое, но, как и прежний термин, оно ничего не объясняет.

Автор «Номо Деус» тяготеет к очень широким обобщениям: он утверждает, что «у нас получилось», постулируя тот факт, что людям удалось на третьем этапе найти смысл и без божественного плана, и без древнего мифа. У кого получилось? У всего человечества? Вряд ли... Он часто употребляет это понятие наряду с местоимением «мы». Имеются в виду представители западной цивилизации, а не племена центральной Африки. Более того, «мы» это даже не все представители западной цивилизации, а элита, то есть люди, обладающие высоким общественным статусом, финансовым могуществом, властью, для которых и от лица которых пишет автор, самого себя к ним причисляя. Вот один из многих пассажей, которыми украшена концепция данного мыслителя: «Но сегодня наибольшую угрозу *мировым законности и порядку* (курсив мой. – И.Ф.) несут как раз те, кто продолжает верить в Бога и его всеобъемлющие планы. Богобоязненная Сирия намного более опасное место, чем светские Нидерланды» [4, с. 208]. Действительно, те государства Востока, которые были разрушены усилиями свободного от условностей и божественного присутствия Запада, стали опасными местами. И это заслуга Запада.

Почему вера в бога вызывает такую неприязнь у Харари? Почему констатируется отпадение человека от Бога как неоспоримый факт? Это реверанс в сторону Ницше? Но не все люди таковы. Он так видит тенденцию духовного оскудения? Слово «дух» подразумевало в христианстве именно связь человека с Богом. Размышляя о слове «духовность», Харари усматривает в нем только один аспект – рациональный, связанный с поиском истины. Тем самым он игнорирует важнейшие составляющие этого понятия, имеющие прямое отношение к вере и высоким этическим стандартам. Более того, он делает интересный вывод: «Духовность для религий – опасный враг» [4, с. 219], поскольку поиск истины противоречит устремлениям религии. Утверждая действенность религии, трактуя ее очень широко, Харари говорит о колоссальной роли, которую играют в жизни людей религиозные мифы, и выделяет в них три составляющие:

1. Этические суждения (пример: «Жизнь человека священна»).
2. Фактологические утверждения («Человеческая жизнь начинается во время зачатия»).
3. Практические наставления («Вы не должны делать аборт»).

Прочность позиций религии состоит в том, что ее нравственное кредо наука не может опровергнуть или подтвердить. А далее автор дает весьма своеобразное метафорическое определение религии, по сути, противопоставляя ее процессу познания: «Религия – это соглашение, сделка, в то время как духовность – это странствие» [4, с. 217]. Если духовность ассоциируется с поиском истины, тогда последующие пояснения автора выглядят странно: «...для большинства людей академическое обучение – это сделка, а не духовное путешествие» [4, с. 217]. Цель – получить диплом и хорошую работу. А далее мы читаем о том, что оно может стать и духовным путешествием, если студент едет в ашрам в Индии или становится волонтером...

То есть любая деятельность может стать сделкой или духовным путешествием, и тогда противопоставление религии и духовности вообще теряет смысл. Но Харари дает еще одно определение религии, более конкретное: «Религией является любой всеобъемлющий миф, наделяющий человеческие законы, нормы и ценности надчеловеческой легитимностью. Он освящает человеческие социальные структуры, так что они есть отражение «надчеловеческих законов»» [4, с. 213]. Израильский историк подчеркивает силу национальных и религиозных мифов в политике; часто повод к войне может быть вымышленным, а потери и ужасы войны остаются неизбежной реальностью. Он призывает различать фантазии и реальность, однако действующим политикам, рассчитывающим на прибыль от войны, такое различие ни к чему. Миф – это вымысел, в который верят, и вымысел играет важную роль в делах общества. Каждому этапу развития общества на пути его развития соответствуют свои религии и мифы. Вымыслу доверяют, когда речь идет о том, что такое деньги и какова их роль в торговле и сделках, о том, что такое государство, корпорация и прочее: «Корпорации, деньги и нации – всего лишь плод нашего воображения. Мы изобрели их ради себя, зачем же мы жертвуем жизнями ради них?» [4, с. 209]. Ответ на этот вопрос очевиден: чтобы было еще больше денег и власти у представителей политической или бизнес-элиты. Местоимение «мы», которым пестрит сочинение, в начале данного отрывка относится к человечеству, а во втором случае относится к простым смертным. А вот употребление «мы», подразумевающее политическую и работающую на нее интеллектуальную элиту: «В XXI веке мы создали такие могущественные мифы и такие тоталитарные религии, которые человечеству и не снились» [4, с. 209]. Харари подразумевает, что эти религии и мифы будут контролировать каждый наш шаг с помощью компьютерных алгоритмов и биотехнологий. Настают времена, когда все труднее становится отличать вымысел от реальности, а религию от науки. Поэтому очень важно уметь это делать, понимая, что власть держится на навязывании верований и вымыслов толпе. Мифы определяют общественный строй, и надо трезво оценивать роль наших фантазий в intersубъективной реальности. На доверии самым разным структурам строится порядок, в основе которого правила, нарушение которых приводит к хаосу. Парадоксально, но в данном случае миф выступает объектом веры и ее источником.

Итак, порядок в обществе держится на мифах и религиях, которые изменяются вместе с технологиями, определяющими экономический и политический статус государства, а также место человека в обществе. Каким же представляется оно израильскому мыслителю?

III. Общество и алгоритм

Еще в конце XIX в. русский публицист Л.И. Мечников в книге «Цивилизация и великие исторические реки», уподобляя общество живому организму, говорил, что оно тем сложнее, чем более становится специализированным. Второй важный момент, который он обозначил, состоит в том,

что успехи людей в плане освоения и покорения природы, строительства государства и собственного жизнеустройства зависели от способности людей к эффективному общению и коллективному сотрудничеству. Оба эти фактора Харари называет в качестве главных характеристик современного человека и общества. Однако взгляд его на человека весьма своеобразен: с одной стороны, люди – это организмы, с другой стороны, как и все организмы, они для него алгоритмы. Отсюда и его вера в то, что со временем компьютеры смогут заменить людей. Во времена Декарта живые существа воспринимались как машины, механизмы, а человек мыслился как «привидение в машине» (привидением выступала мыслящая душа). Харари не нравится понятие «душа». Алгоритм – это современный термин, но он, опять же, ничего не объясняет. Можно сколько угодно делать понимающий вид, но вряд ли кто-то объяснит природу и механизм действия в нас того, что называют алгоритмом. А как алгоритм соотносится с нашей субъективностью суждений, которые не сходятся подчас по поводу одного и того же предмета, – вообще загадка природы. Если в XIX в. органическая жизнь и неорганическая противопоставлялись, то теперь, в XXI в., они сопоставляются. Теперь уже говорят о «биохимических механизмах – людях» [4, с. 386].

Харари превозносит успехи современного человека в области науки и технологий, но о каком Номо Deus может идти речь, если этот узкоспециализированный, одинокий, эгоистичный и изобретательный субъект стремится заменить себя компьютерными алгоритмами, что лишает его собственной ценности и делает огромное число людей ненужными для общества? Или все не так однозначно?

А вот здесь начинается, пожалуй, самое интересное. Одно дело говорить о человеке «вообще», и другое дело практический аспект.

Рисуя структуру будущего общества, автор проводит мысль о том, что обесцениваются не все человеки: есть те, кто обесценивает (связка политической и научной элиты), и те, кого обесценивают, – все остальные, коих большинство. Например, изобретатели искусственного интеллекта полезны, сам искусственный интеллект осуществляет функцию контроля, становится цензором. По сути, речь идет о технической власти, изобретенной самим человеком и поставленной над большинством. Номо Deus – это и есть элита, в чьих руках сконцентрированы власть и технологии. Речь не идет о человеке или человечестве «вообще». Все весьма конкретно. Элита включает в себя людей с огромными состояниями и доходами, обладающих властью и колоссальными возможностями, а также «интерсубъективные сущности»: корпорации, государства; элитой может стать в перспективе и алгоритм (может появиться «виртуальная алгоритмическая элита», которая вполне может попытаться захватить в собственность все, что захочет). История человечества предстает как история смены власти: боги, цари, элиты, интерсубъективные сущности и алгоритмы – таков властный ряд в прогрессирующем обществе.

Харари рисует собственную иерархию людей, чья функция будет определять их ценность для элиты и будет способствовать, на мой взгляд, удержанию ею власти. **Первый класс** составят к 2030–2040 гг. те, кто будет выполнять работу лучше алгоритма (незаменимые). **Второй класс** составят те, которые будут постоянно учиться и заниматься повышением квалификации или переквалифицироваться, чтобы не выпасть из обоймы. **Третий класс** составят те, кто на это не способен, то есть «ненужные люди», «беспользная масса», по словам Харари. Знакомство с приведенной стратификацией общества вызывает в памяти ассоциации с концепцией Отто Георга Аммона – приверженца расовой теории, предложившего, как и Харари, свою иерархию классов людей, в основе которой их интеллектуальные способности. Высший, первый класс – пионеры с интеллектом выше среднего; они – первооткрыватели и изобретатели, те, кто движет прогресс. Второй класс составляют умные и искусные; они способны усвоить идеи первого класса, улучшить их и развить. Третий класс – интеллект средний и ниже среднего; на третьем уровне господствует дух стада, чужие идеи усваиваются, но своих нет. Четвертый класс – неполноценные, потому что не способны усвоить чужую культуру, чужие идеи. У Харари картинка похожа, а самая большая проблема будущего звучит так: чем занять непродуктивное большинство? Его надо будет как-то содержать, чем-то развлекать, чтобы люди были довольны. Действительно, если большинству нечего есть и нечем развлечься, то возникает перспектива угрозы Порядку. Заметьте, в целом человек выступает как функция системы. Третью категорию людей можно занять компьютерными играми, наркотиками, но ведь это деградация на фоне расцвета технологий! И деградирует большинство. Несомненно, будет деградировать институт семьи (об этом тоже речи не идет), но может получиться, что как раз третий класс и будет размножаться и окажется более свободным и счастливым, чем топ-менеджеры и те, кто постоянно учится, чтобы удержаться на плаву. Ник Бостром (Никлас Бустрём) – шведский философ и профессор Оксфордского университета – полагает, что чтобы избежать жуткой деградации третьего класса граждан, искусственный интеллект способен уничтожить все человечество (см. [1]). Отличная перспектива для человека разумного и вполне в шпенглеровском духе: рациональное начало, т. е. человек-дух, убивает культуру и приводит ее к смерти, но через сотворенный инструмент – технику: «Как некогда микрокосм-человек поднялся на природу, так восстает теперь микрокосм-машина против нордического человека. Властелин мира сделался рабом машины. Она принуждает его, нас, причем всех без исключения, ведаем мы об этом или нет, хотим или нет – идти по проложенному пути. Взбесившаяся упряжь влечет низвергнутого победителя к смерти» [5]. У Харари смерть грозит не локальной культуре, а всему человечеству. Чем не Апокалипсис и горе от ума? Конечно, человек может просто выдернуть шнур из розетки – это то, чего якобы боится искусственный интеллект, но до этого тоже надо додуматься. Ведь этот поступок не что иное, как восстание против Системы...

Если во времена Декарта и Ньютона мир понимался как часовой механизм, то сегодня нам предлагают воспринимать его как сеть, частью которой мы и оказываемся. Совершенно очевидно, что понимание человека как функции возникло не сегодня и развивается сообразно процессу совершенствования технологий. Многие ученые сегодня либо констатируют кризис гуманистического подхода к теме «человек – общество», либо утверждают его бесповоротный провал в новых условиях. Однако попытки этот провал распространить на все человечество мне представляются издержками линейного видения истории и европоцентристской установкой. Да, технологии играют значительную роль в современной коммуникации, они становятся важным инструментом в профессиональной и личной сферах, но ценность человека, индивидуалистическую установку на Западе пока никто не отменял, а Азия живет своей внутренней жизнью, ловко используя гуманистические установки Запада для проникновения на территории государств Европы и США в целях получения гражданства, социальной поддержки из налоговых средств коренных жителей данных государств и поиска работы. Примерно такая же ситуация наблюдается и в России, куда устремляются жители Средней Азии из бывших советских республик в поисках лучшей доли. Они прямо заявляют, что их будущее – за многочисленным потомством, которое нуждается в материнском капитале, льготах на строительство жилья и многочисленных субсидиях. Сегодня государство озабочено постановкой на военный учет мужского населения, прибывшего на ПМЖ из этих регионов, что им, естественно, не нравится. Кто-то предпочитает статус временно работающих, чтобы избежать этой участи, но выбор, как говорится, есть. Связи с родственниками поддерживаются через сеть. Так что Великое смещение и переселение народов идет своим чередом, и сети тому способствуют. Массово переселяются люди с низкими доходами или не имеющие их, беженцы. Они тоже часть Сети, и в то время как прогрессивное индивидуалистическое человечество работает по 10 часов в сутки на высокооплачиваемых работах и не может позволить себе иметь семью с множеством детей, клановый стиль жизни Азии, который основан на сильнейших кровно-родственных связях и традиции поддержки близких, обеспечивает более комфортное существование и отсутствие одиночества как неизбежного атрибута западного стиля жизни.

Харари уверен, что со временем все будут решать свои проблемы через глобальную сеть и ее алгоритмы, через Гугл с базой биометрических данных, за сбор которых сегодня идет непримиримая борьба прежде всего между двумя соперниками – США и Китаем. Однако Китай может вырваться вперед, поскольку там нет принципа неприкосновенности таких данных, а в США он действует (по крайней мере так об этом заявляется официально).

Харари рассуждает об угрозах, которые влечет за собой активный переход на «неорганические алгоритмы», то есть алгоритмы Системы, контролирующей все виды коммуникации и осуществляющей Власть над

всеми, кто включен в Систему. Он полагает, что ответственность ляжет на биологов, потому что биологические знания меняют мир и лишь потом компьютерные технологии. Ведь «именно биология пришла к заключению, что организмы суть алгоритмы» [4, с. 404]. Во времена Мечникова организмы воспринимались как индивиды, сегодня они уже алгоритмы, но, как ни назови, данные термины не вскрывают тайну жизни как таковой: в одном случае акцент делался на функциональную целостность, а сегодня подразумевает цепочку программных действий. Понятно одно, что человек гораздо сложнее и у Харари есть надежда, что все будет не так драматично. Однако вина биологов для него очевидна: «Но когда биологи заключили, что организмы – это алгоритмы, они сломали стенку между органическим и неорганическим, превратили компьютерную революцию из чисто технического мероприятия в биологический катаклизм и передали права и полномочия отдельных личностей сетевым алгоритмам» [4, с. 403]. Что значит «сломали стенку»? Где находится эта стенка в природе? Ее никто не видел. Она – в нашей голове, а не в реальности. С точки зрения физики мир и природу вещей можно описать через понятия «атом», «частица», «вещество» и другие термины, подразумевающие некий материальный субстрат. Но вот как объяснить, на каком моменте из этих атомов и частиц возникает органическое, живое, саморазвивающееся, – вот тут и возникает стенка. И биология ее пока не снесла шквалом своих открытий. Заявление, что организмы есть алгоритмы, принижает их до уровня функции, а не поднимает до уровня индивида. И в этом смысле я вижу деградацию в отношении ко всему живому на планете. Таким образом, гуманистическая установка наращивания власти над природой, т. е. проект Ф. Бэкона, продолжается в новых технологических условиях. От его дальнейшего воплощения люди счастливее не станут, им будет, возможно, удобнее жить, но и только.

Мне представляется, что делать только биологов ответственными несправедливо. Сам Харари в этой же книге утверждает, что прогресс движут не столько ученые умники, сколько политики и богатые люди, которые вкладывают средства в перспективные проекты, обеспечивающие их личное процветание и прибыль в конкурентной борьбе за лидерство на рынке. Наука (а сегодня это коллективная работа, а не творчество одиночек), требующая исследований, экспериментов на дорогостоящем оборудовании, а значит, и финансовых вливаний, стоит на службе богатых и власти: они решают, во что вкладывать больше средств, а во что меньше. Так что ответственность за угрозы от действий «неорганических алгоритмов» ляжет и на политиков, и на ученых, и на инвесторов, которые к людям тоже будут относиться весьма прагматично с точки зрения их функции и обеспечения прибыли. Я упоминала выше три касты, о которых вел речь Харари, а также структуру общества по Аммону сообразно умственным способностям людей. Так вот, в другом месте израильский историк характеризует качества людей из каст так же, как и Аммон, в соответствии с их способностями. Выс-

ший тип – «сверхчеловеки», «привилегированная элита усовершенствованных людей», т. е. «те, кого нельзя будет ни заменить, ни расшифровать» [4, с. 405]. Здесь автор намекает на перспективу усовершенствования биологических параметров и качеств человека за счет биотехнологий, когда будущего человека можно будет «заказать» с набором особых качеств: интеллектуальных, эстетических и иных. Такое смогут позволить себе люди с большим достатком, что в перспективе усугубит как физическое, так и социальное неравенство. Усовершенствованные люди будут обладать сверхспособностями, будут управлять, а система их не будет считывать и понимать, ибо они будут умнее системы. На мой взгляд, это любопытная теория неравенства, воплощенная в стиле футурологии. Ницшеанская тема получает новый поворот в духе Н. Бострома: «Усиление интеллектуальных способностей человека будет также зависеть от степени отбора именно когнитивных признаков... Тем, кто решит воспользоваться процедурой отбора эмбрионов в той или иной форме, придется решать, как распределить имеющийся в их руках потенциал, поскольку интеллект в некоторой степени вступит в конкуренцию с другими не менее желанными свойствами: здоровьем, красотой, особой индивидуальностью и физической силой. Прийти к разумному компромиссу позволит итеративный характер отбора эмбрионов, с которым связаны значительные селективные возможности и благодаря которому будет осуществляться последовательный строгий отбор на основании нескольких критериев. Однако эта процедура приведет к разрушению прямой генетической связи между родителями и детьми, что может негативно сказаться на востребованности ЭКО во многих цивилизационных культурах» [1]. Усовершенствование свойств человека начнется с элиты, а те, что классом ниже, станут ей подражать. Но это у Бострома.

Вторая категория людей, согласно Харари, – «неусовершенствованные люди», то есть обычные, родившиеся с набором качеств родителей и предков. Их доля – подчиняться сверхлюдям и алгоритмам. Автор предсказывает крах либерализма, который, как известно, ценит превыше всего свободу, а не равенство, но при этом убеждает, что все равноправны. Так что впереди маячит несколько серьезнейших угроз общественным либеральным принципам: люди утратят свою ценность, но, как мы видим, не все. Если сегодня голос бедного и богатого равно важны на выборах, то в перспективе, по мнению Харари, первые практически потеряют личные права (он предполагает, что огромное большинство их безропотно подчинится Системе). Никакого равенства между усовершенствованными и обычными людьми не будет. Неравенство обретет дополнительные качества. Сегодня тоже равенства нет, оно декларативное, но Харари пророчит появление новой элиты с новыми биологическими параметрами и качествами. Неужели политики и бизнесмены добровольно уступят свое лидерство новой элите, которая явно будет формироваться на принципах меритократии, а не нынешнего классового неравенства? Неужели они сами себе выстрелят в ногу

или голову? Сомнительная перспектива, нереализуемая. Конечно, эти деятели останутся частью элиты. Да, пропасть между бедными и богатыми может случиться не только имущественная, но и биологическая. Сегодня мы видим рост имущественного неравенства, а в будущем к нему добавится еще и неравенство в плане интеллектуальных способностей. Но ведь мы и сейчас его тоже видим и без биотехнологического вмешательства.

В связи с новой перспективой усовершенствования возникает непраздный вопрос: как ученые будут «править головы», если они не имеют никакого понятия о том, как работает мозг как глобальная система смыслов, идей и принятия решений. Обсуждение работы мозга в современной науке ведется на уровне терминологических игр и интуиций. Да, его изучают, есть серьезные подвижки в области хирургического лечения новообразований, но как появляются идеи и откуда – вот вопрос. Почему одни умнее других, почему есть талант в одной области, а не в другой? – все остается на уровне прекрасной системы Платона. Да и сам Харари признается, что «...наши представления о разуме довольно туманны. Мы не знаем ни как он зарождается, ни как он функционирует» [4, с. 419]. Это перечеркивает все размышления об устройстве мозга, которые встречаются в книге «Homo Deus».

Однако именно одаренные люди обеспечивают прогресс во всех сферах жизни общества. Харари подчеркивает, что медицина имела и будет иметь приоритет в развитии, потому что обслуживает богатых людей. Они озабочены тем, чтобы жить долго, поддерживая высокое качество жизни, они хотят быть красивыми, выглядеть молодыми, и для этого у них есть довольно финансовых средств. Медицина обслуживает прежде всего богатых, ибо все нововведения и, в частности, новые и эффективные лекарства дорого стоят. Израильский историк обращается к истории открытий в области медицины и говорит о том, что только поздние открытия в этой области оказываются доступными всем остальным. Хотелось бы возразить, что так происходит не всегда. Ведь те же самые вакцины апробируют на простых людях. Хочу напомнить сюжет, связанный с историей внедрения моды на пластические операции. Как правило, к пластическим операциям пациенты прибегают после несчастных случаев: ожоги, травмы во время ДТП и прочее. Однако мода на эстетическую пластику началась в США и была спровоцирована именно расовым неравенством, а конкретно – переписью населения по расовому признаку. Если на наличие негритянской или индейской крови указывали разрез глаз, форма носа или иные видимые признаки, которые можно подкорректировать в клинике до нормы белого человека, это делалось, человек переезжал в другой штат с менее жесткими критериями инаковости и получал хорошую работу, избавившись от тяжкого клейма представителя более низкой расы. Да, США позиционировали себя как страну равных возможностей, с точки зрения законодательства все имели право голоса на выборах, но законы не работали. Люди через медицинские институты «исправляли» причину социального неравенства, если это было

возможно. И только потом эстетическая пластическая хирургия стала работать на богатых. Да, денежные вливания богатых людей обеспечивают развитие многих отраслей, но они ищут прибыльного вложения. Действительно, медицина лечит больных, но сегодня она обслуживает и практически здоровых. Здоровые пытаются усовершенствовать свою память, сексуальные качества, внешнюю привлекательность. Харари сомневается, что медицина в перспективе будет помогать бедным, как бы цинично это ни звучало: «Но эпоха масс, похоже, миновала, а с ней и эпоха массовой медицины... элиты могут заключить, что поддерживать стандартный уровень здоровья бесполезных бедняков незачем. Куда разумнее сосредоточиться на усовершенствовании горстки сверхлюдей» [4, с. 408]. Сегодня примеры тому есть: нигерийская элита, бразильская живут иначе, чем их нищие народы. Примеров масса. Только вот в чем проблема: кто будет в случае войны защищать подобные элиты и ту страну, которая способствует обнищанию собственного населения? Иммигранты? Они уедут. Элита? Она вряд ли ринется в бой, хотя именно ей есть что терять и защищать. В условиях жесткой конкуренции государств и борьбы за ресурсы и власть это серьезный вопрос. Харари рассуждает так, словно этой борьбы сегодня нет, как нет и угрозы глобальных войн. Здоровые бедняки нужны были в том веке для армии и развития промышленного производства, а сегодня мир иной. Автор не допускает мысли о революции, о восстании недовольных, коих тьма. Он убежден, что «в конкурентной борьбе с Японией число усовершенствованных сверхлюдей принесет Бразилии больше пользы, чем миллионы обычных здоровых трудяг» [4, с. 409]. То есть и здоровые трудяги не нужны: зачем с ними делиться доходами? Почитаешь вот так эти пророчества – и как-то пред взором начинает маячить фигура доктора Геббельса... А что с рождаемостью, учитывая тот факт, что неуклонно растет процент бесплодных мужчин и женщин по всему миру, особенно в высокоразвитых странах? Бедные и здоровые иммигранты могут помочь в этом вопросе. Но вот с проблемой духовного обнищания вряд ли. В книге Харари нет места рассуждениям о любви и дружбе. Есть эмоции, интересы; счастье и радости у людей будут разные. Духовная сфера выпала напрочь. Понятие «душа» это просто миф, ее нет. Грустная картина.

IV. Проекты будущего

Если обращаться к проектам XX в., то они были направлены на реализацию идеи всеобщего блага, потому что были нацелены на борьбу с бедностью, войнами, с голодом и эпидемиями. В XXI в. Харари видит иные проекты, цель которых – превзойти нормы; речь идет о проекте бессмертия, счастья и божественности. И новая каста сверхлюдей может отказаться от гуманистических ценностей, что таит угрозу обращения с людьми обычными так, как с африканцами в XIX столетии. Для Харари идея новой формы рабства становится идеей фикс. Он боится, что развитие технологий

приведет не только к более жесткому неравенству, но и к деградации большинства и к новому виду безрасового расизма. Очевидно, его наблюдения имеют для такого видения будущего свою почву. Хотелось бы отметить, что проекты XX в. так и не осуществились до конца. Угрозы войн, эпидемий и голода остаются актуальными и по сей день. Большинству людей нет дела до бессмертия (многие оценивают его как достаточно мрачную перспективу), до абстрактной божественности, а счастье понимается вообще по-разному. Эти ценности, как правило, волнуют корпорации, задача которых – найти богатых инвесторов, хороших специалистов, чтобы в перспективе получить сначала богатых клиентов, а затем из среднего класса. Головы бедных этими вопросами не заняты.

Описав достаточно подробно специфику отношений людей и властных отношений между основными классами в будущем, Харари задумывается о религии в описанном обществе. Ему представляется, что преобладать будут две религии – «техногуманизм» и «религия данных». Они сменяют эволюционный гуманизм, который сто лет назад призывал к созданию сверхчеловека. На новом этапе техногуманизм ставит цель усовершенствовать человека разумного с помощью новых технологий. Таким образом, *Homo Sapiens* уступит место *Homo Deus*, который будет обладать исключительными умственными и физическими способностями, позволяющими конкурировать с совершенными алгоритмами. Автор отмечает, что скорость развития технологий искусственного интеллекта гораздо выше степени развития человеческого мозга, и отсюда призыв его модернизировать. Однако за прогрессом искусственного интеллекта пока стоят весьма неординарные и умные человеческие мозги того самого устаревшего представителя *Homo Sapiens*. Все, что интеллектуалы-изобретатели, усовершенствованные с помощью новых технологий, создадут для пользователей, является продуктом их разума и фантазий. Они будут обогащаться от внедрения технологий и открытий вместе с бизнес-элитой и политиками, дающими «зеленый свет» изобретениям, а «юзеры» будут платить деньги. Очевидно, что в категорию «юзеров» попадут и бедные, и богатые. Если не будет пользователей с достаточной степенью образованности, чтобы покупать и пользоваться новыми техническими продуктами, то не будет и хорошей прибыли. Поэтому элита должна очень серьезно позаботиться об уровне образованности большей части общества и о непрерывности процесса потребления. Поэтому размышления Харари о появлении класса ненужных людей, если речь идет о капитализме, мне представляются достаточно сомнительной перспективой. С другой стороны, возникает серьезный вопрос: зачем ученой элите и изобретателям делиться властью и доходами с политиками и бизнесменами? Если уж говорить о картинах будущего, то у Кампанеллы в «Городе Солнца» правят ученые. Перспективу узурпации власти этим классом Харари серьезно не рассматривает. Он опасается власти Алгоритмов, которые созданы интеллектуалами высшего класса. Автор уверен в том, что история

человечества – это история развития интеллекта. Вполне в духе эволюционной теории Дарвина он пишет: «70000 лет тому назад когнитивная революция трансформировала мозг наших предков, превратив ничем не примечательных африканских приматов во властелинов мира» [4, с. 412]. А почему именно африканских приматов? Харари явно не сторонник полигенизма.

Понятие «когнитивная революция» весьма расплывчато и не объясняет, как это произошло, в чем суть этой революции, как из незнания стало продуцироваться знание. Где доказательства того, что она произошла? Все мифично, ведь проверять события столь далекой истории дело неблагодарное, да и невозможное. Что случилось с мозгом и почему он вдруг стал более совершенным? Нет ответа на этот вопрос. Израильский историк уверен, говоря о появлении разумных людей, что «их обострившийся разум *вдруг* (курсив мой. – *И.Ф.*) проник в широкое интер-субъективное пространство, что позволило им создать богов и корпорации, построить города и империи» [4, с. 412]. Понятия *вдруг* или *откуда ни возьмись* не имеют отношения к науке, скорее относятся к мифу или сказке и опять ничего не объясняют. Впрочем, употребление этого слова понятно: наука вообще мало что объясняет; она констатирует факты и пытается описать, что же будет: если к 2 прибавить 2, то что будет? Если один химический элемент соединить с другим, каков будет результат? Соответственно, если прошлое было таковым, можно увидеть тенденцию его развития, но что будет на самом деле, предсказать сложно, потому что мы имеем дело с самым широким, необозримым спектром данных. Но заглянуть в будущее очень хочется. Харари уверен, что когнитивная революция случилась благодаря паре незначительных изменений в ДНК и «легкой перестройке мозга» [4, с. 412]. Возникает вопрос: а кто это сделал и зачем? Если предполагается, что Номо Deus будет итогом рукотворного вмешательства, а причина этих действий – проект усовершенствования, то логично предположить существование инициатора перестройки мозгов приматов в прошлом. Многие ученые списывают все на процесс эволюции, но лично для меня это слово столь же мифично, как и «легкая перестройка мозгов». Ведь их надо не только перестроить, но и настроить, ибо они имеют иногда тенденцию выходить из строя по непонятным причинам, но почему открывается столь печальная перспектива – опять не ясно.

Харари предрекает в будущем «вторую когнитивную революцию». Это, знаете ли, на мой взгляд, подобно второму осевому времени Ясперса: оно весьма далеко от современности и предсказывать его приход весьма легко, поскольку проверить данный факт невозможно. В геноме человека будут произведены еще какие-то дополнительные изменения и, как следствие, перестройка мозгов номер два. Власть человека, как полагает Харари, возрастет: благодаря второй революции «Номо Deus может получить доступ в невообразимые новые сферы и сделаться повелителем галактики» [4, с. 413]. Тема власти над планетой плавно переходит на более глобальный уровень, требующий усилий людей особой породы. Автор уверен, что грядут интересные времена: он напоминает, что Гитлер хотел вывести

сверхлюдей через этнические чистки и селекции. Техногуманизм XXI в. будет делать это мирно: «с помощью генной инженерии, нанотехнологий и нейрокомпьютерных интерфейсов» [4, с. 413]. Задача понятна, но возникает вопрос, зачем и кому это нужно. Все ли будут на это согласны и сделает ли революция людей более счастливыми. Вряд ли.

Но автор осознает всю серьезность древней проблемы, о чем я упоминала в начале статьи: чтобы мозг перестроить, надо понимать, что такое сознание и мозг. Патологоанатом при вскрытии может пощупать и препарировать мозг, но ни одной идеи он там не найдет. Сознание человека вообще удивительный феномен: оно существует, но местоположение его и механизм функционирования – загадка природы. Автор признается, что сегодня наши представления о разуме туманны. Сомневаюсь, что вторая когнитивная революция однажды совершится. Есть еще несколько ингредиентов в природе человека, которые ни один серьезный философ не сбрасывал со счетов: жадность, зависть, агрессия, эгоизм. Харари увяз в ментальных состояниях, но самая главная проблема состоит в том, что «мы не знаем, какие ментальные цели перед собой ставить... Мы не осознаем, что живем на крохотном островке сознания в возможно безграничном океане чужих ментальных состояний» [4, с. 413]. Блестящий финал рассуждения о сложности мира, который непостижим в силу ограниченности спектра восприятия наших органов чувств. Ведь мы не можем выскочить за границы своих ощущений и ответить на вопрос, а каков мир сам по себе, вне нашего ограниченного природой восприятия... Так что перестройка мозга – операция дорогостоящая, весьма отдаленная во времени и вряд ли возможная.

Сегодня идет активное исследование ментальных состояний, делаются попытки их моделирования, и будущее полученных результатов автору видится связанным с производством и применением мощных фармацевтических средств, а также генной инженерией, электронными шлемами и прочими способами получения нужных состояний для рядового обывателя. Харари говорит и о второй возможности развития человечества: техногуманизм может упростить человека, и вполне вероятно, что будут цениться «люди-винтики»: у них не будет чрезмерных запросов, а главное – они будут очень исполнительными. Технический прогресс пытается взять под контроль желания человека и вполне сможет предложить каждому свою таблетку, поправляющую состояние: кому от страха и ужаса, кому для забвения травмирующих психику воспоминаний, кому для подъема настроения, ведь депрессии надо лечить. Человек будет рассматриваться и дальше как система функций, которые надо корректировать. Ни о каких духовных глубинах Харари речь не ведет, и будущее видится ему как воплощение технического прогресса, который проникнет во все сферы жизни человека, и только труд будет составлять главное содержание жизни. Расслабление и досуг заменят таблетки и другие средства. Автор выдвигает следующее предположение: «Миллионы лет мы были усовершенствованными шимпанзе. А можем стать сильно увеличенными муравьями» [4, с. 425].

Подводя некоторые итоги краткого обзора основных идей израильского мыслителя, хотелось бы выделить основные положения его футурологии. Он уверен в том, что со временем *Homo Sapiens* превратится в *Homo Deus*, целью которого станут бессмертие, счастье, божественность и экологическая стабильность. Поборниками бессмертия выступают состоятельные люди из Силиконовой долины. Прогноз автора таков: к 2100–2200 гг. люди одолеют смерть, но одолеют не все, а только те, у кого будет здоровье и солидный банковский счет. К бессмертию будет рваться не человечество, а богатая элита. Она будет развивать этот сектор индустрии. Большинство планеты никак не будет связано с этим проектом. Неравенство в материальном смысле возрастет, как и спрос на молодость. Человек будет активнее работать, личного времени останется совсем немного, и счастье ему заменят удовольствия, получаемые от психотропных препаратов. Они же помогут бороться с одиночеством и депрессией. Харари пишет о возможной тенденции развития западной цивилизации, подчеркивая, что остановить прогресс невозможно (во всяком случае никто не знает, как это сделать), а куда несется прогрессивное человечество и какие будут последствия развития технологий для самих людей, тоже никто не может предугадать. В предполагаемом будущем, которое рисует Харари, как-то не видны ни роль семьи, ни какие-то духовные и этические ориентиры, нет и преодоления потребительского отношения к природе. Предстоит сумасшедшая погоня за здоровьем, счастьем и властью. Разум, расчет и алгоритм будут определять человека как функционирующее существо. Так ли это? Действительно ли появится система отношений, основанная на тотальном контроле и новом типе закабаления для большинства? Возможно, так оно и будет, но не хотелось бы.

Список литературы

1. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы, стратегии. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 446 с.
2. [Электронный ресурс]. URL: <https://avmim.com/wp-content/uploads/2018/11/Бостром-Н.-Искусственный-интеллект.-Этапы.-Угрозы.-Стратегии-2014.pdf> (дата обращения – 12.09.2023).
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: «Книга». 1991. 574 с.
4. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2004. С. 6–261. [Электронный ресурс]. URL: http://read.virmk.ru/present_past_pdf/Toffler_Tretiya_volna.pdf (дата обращения – 12.09.2023).
5. Харари Ю.Н. *Homo Deus*. Краткая история будущего. М.: Изд-во «Синдбад». 2019. 492 с.
6. Шпенглер О. «Человек и техника» (1932 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3131?ysclid=ln1mqaz27a389120142> (дата обращения – 12.09.2023).

HARARI YUVAL NOAH ABOUT FUTURE OF CIVILIZATION

I.A. Frolova

Tver State University, Tver

Harari Y.N. is an Israeli military historian, futurologist and an excellent popularizer of ideas and concepts related to the history of culture, philosophy and science. He is the author of a number of interesting books. «Homo Deus» is one of them. The main task of the article is to offer an overview and commentary of the main ideas of his futurological concept.

Ключевые слова: *futurology, cultural anthropology, philosophy of history, history of culture, Harari Y.N.*

Об авторе:

ФРОЛОВА Ирина Алексеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail:star63@yandex.ru

Author information:

FROLOVA Irina Alekseevna – PhD., Ass. Professor of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver , E-mail:star63@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2023.